

Дегтярев А.А.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ПРИКЛАДНАЯ ДИСЦИПЛИНА:
ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗРАБОТКИ**

// Политические исследования. 2004. № 1. С. 154-168.

За последние полтора десятилетия России пришлось пережить целый ряд острейших социально-политических ситуаций, порожденных ошибками и просчетами в процессе принятия и реализации государственных решений (августовский «путч» 1991 г., расстрел Белого дома осенью 1993 г., дефолт 1998 г. и др.). Очевидно, что эти просчеты были в немалой степени обусловлены слабостью информационно-аналитического обеспечения высших должностных лиц. Многие публичные решения в нашей стране принимались – и принимаются – импульсивно и интуитивно, без учета их среднесрочных и долгосрочных последствий. Политический анализ пока еще не стал неотъемлемым компонентом российской государственной практики*.

На первый взгляд, данное утверждение выглядит несколько неожиданным. Казалось бы, чего-чего, а дефицита «политической аналитики» российское общество не испытывает. Напротив, на него обрушивается вал различного рода политических комментариев, особенно в кризисных ситуациях, подобных военной операции США в Ираке в 2003 г., а также в преддверии выборов и в ходе самих избирательных кампаний. К цеху «политических аналитиков» относят себя телеобозреватели и колумнисты газет, имиджмейкеры и избирательные технологи, и многие другие. Но такое положение вещей как раз и заставляет усомниться в качественном уровне политической аналитики в современной России.

Чьим диагнозам и прогнозам можно доверять, а чьим нет? Что должно находиться в основании политического анализа: журналистское чутье, научные знания или опыт эксперта? Какими методологическими конструкциями оперируют ведущие аналитические центры мира? Существуют ли в зарубежной и российской политической аналитике свои школы и направления, или же эта отрасль остается в методологическом смысле «кустарным промыслом», а в плане общественной ценности – «искусством мистификаций и манипуляций», обслуживающим интересы элитных групп и бюрократии? Потребность в более или менее четких ответах на эти вопросы и определяет прикладную значимость заявленной в настоящей статье проблематики.

Но есть и другая, академическая, сторона проблемы. Она связана с необходимостью подготовки профессиональных политических аналитиков. Конечно, в нашей стране курсы и темы по прикладному анализу читаются уже не один год. В частности, на ряде факультетов МГУ (ИПК, социологическом, философском и государственного управления), а также в МГИМО МИД РФ, ВШЭ и Московской высшей школе социальных и экономических наук [см. Тихомиров 1993; Шутов 1994; Дегтярев 1997; 2000]. Отдельные вопросы политического анализа затрагиваются и в рамках общего курса прикладной политологии (например, в МГСУ, РАГС, РГГУ, РУДН и др.), правда, в синкретической комбинации с вопросами эмпирического

* Справедливости ради надо отметить, что в последние годы в этом отношении наметились позитивные сдвиги. В лексикон отечественных политиков постепенно внедряются слова «стратегическое планирование» и «прогнозирование», «стратегические программы» и «экспертиза». В 1999 г. по инициативе президентской администрации был создан Центр стратегических разработок (руководители – Г.Греф, Д.Мезенцев), который подготовил пакет проектов государственных реформ. Часть этих проектов получила статус государственных актов и программ, а некоторые уже претворяются в жизнь.

анализа, или, попросту говоря, методами сбора и анализа данных [см. Жуков, Краснов 1997; Матвеев 1997; Матвеев, Мизулин 2002]. С 2000 г. в реестре общепрофессиональных дисциплин по программам бакалавров, специалистов и магистров политической науки появилась отдельная графа «Политический анализ и прогнозирование» (ОПД.Ф.10). Вышло несколько небольших брошюр и учебных пособий по политическому анализу [см. Хрусталева 1992; Яковлев 1998; Балуев 2000; Лобанов 2001; Симонов 2002; Туронок 2003]. Тем не менее ситуация с преподаванием политического анализа, а также с институционализацией данной дисциплины и созданием соответствующего профессионального сообщества пока далека от благополучной, особенно по сравнению с Северной Америкой и Западной Европой, отставание от которых исчисляется уже десятилетиями [см. Gray, Genkins 1983; Wollmann 1989; Dunn, Kelly 1992; Pal 1992; Smith 1999].

Основные измерения политического анализа

Благодаря средствам массовой коммуникации политические комментарии сегодня у всех на слуху. Но бывает весьма сложно отделить выверенные оценки и профессиональные рекомендации политического аналитика от обывательских рассуждений по поводу тех или иных событий либо от манипулятивных пассажей обозревателей, выполняющих корпоративный заказ. Для того чтобы преодолеть эту сложность, требуется прежде всего определить саму категорию «политический анализ».

В современной политологической литературе понятие «политический анализ» используется в трех значениях: теоретико-фундаментальном, инструментально-эмпирическом и, наконец, практически-прикладном.

Первое, *теоретико-фундаментальное*, измерение политического анализа (ФПА) охватывает базовые концептуальные исследования политической сферы, ее структуры и динамики [см. Дегтярев 1998]. При такой интерпретации данное понятие почти синонимично категории «фундаментальные (теоретические) политические исследования» в целом. В подобном ракурсе написаны, в частности, «Анализ политической структуры» Д.Истона [Easton 1990], «Современный политический анализ» Р.Даля [Dahl 2003] и многие другие работы классиков политологии*.

Ко второму, *инструментально-эмпирическому*, измерению относятся сбор и описание, систематизация и обработка первичных данных. Этот аспект политического анализа также приобрел институциональный характер в рамках политической науки, выделившись в особую дисциплину – «Методы и методики политологических исследований»**. В противовес теоретическому направлению, где основной аналитической единицей является «концепт», отражающий каузальные, функциональные и пр. связи «внутри» политических процессов, исходной единицей здесь выступает «данное», т.е. первичная информация о том или ином событии политической жизни. Если в первом случае главным вектором анализа предстает дедуктивный вывод, то во втором – индуктивное обобщение. Именно о таком измерении анализа идет речь, например, в учебнике американских политологов Дж.Мангейма и Р.Рича «Эмпирический политический анализ: методы исследования в политической науке» [см. Manheim, Rich 1995]. Заметим сразу же, что

* Следует подчеркнуть, что фундаментальные разработки теоретиков политики нередко используются в качестве методологической базы прикладного анализа, как это произошло с общими теориями политической системы и рационального выбора, которые легли в основу практических исследований по оптимизации работы политиков и аналитиков [см. Easton 1990; Shepsle, Bonchek 1997].

** Иногда ее называют «Эмпирический политический анализ» (ЭПА) или «Исследовательская методология и техника политической науки».

эмпирический анализ может обслуживать решение как теоретических, так и практических задач политики [см. White 1990; Цукерман 1995].

В рамках третьего, *практически-прикладного*, измерения политического анализа на первый план выдвигаются не построение стройной и обоснованной теории и не сбор массива данных, а способы оценки и решения общественной проблемы для конкретного заказчика – как правило, одного из политических акторов. В прикладном политическом анализе (ППА) нередко соединяются дедукция и индукция, хотя доминирует «схватывающий картинку сразу» ретродуктивно-экспертный стиль мышления. В отличие от «теоретика», конструирующего абстрактные модели политики, и «инструментальщика», занимающегося их операционализацией на уровне эмпирических данных, «прикладник» строит рабочую модель уникальной в своем роде проблемной ситуации, заимствуя для этого концептуальные знания у первого и фактическую информацию у второго. Поэтому превалирующей для «прикладника» является прескриптивная функция (предписание), тогда как для «теоретика» – экспликативная (объяснение), а для «инструментальщика» – дескриптивная (описание) (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение основных измерений политического анализа

	Параметры	Измерения		
		Фундаментальное (ФПА)	Эмпирическое (ЭПА)	Прикладное (ППА)
1.	Определяющий вектор	Дедукция	Индукция	Ретродукция
2.	Характер знания	Абстрактно-теоретическое	Конкретно-фактическое	Синтетико-проективное
3.	Роль моделирования	Разработка концептуальных метамоделей	Операциональное использование характеристик моделей	Конструирование проблемно-ситуативных моделей
4.	Основная аналитическая единица	Концепты	Данные	Проблемы
5.	Доминирующая функция	Экпликативная	Дескриптивная	Прескриптивная

Фундаментальный уровень политического анализа обычно ассоциируется с английским «political analysis» (анализ политики как таковой), в то время как прикладной – с «policy analysis» (анализ политического курса). Однако подобного различия заведомо недостаточно, ведь курсы публичной политики тоже могут изучаться на фундаментальном уровне (например, в компаративном разрезе). В связи с этим весьма плодотворным представляется дополнительное разграничение, предложенное еще в 1970 г. американским политологом Г.Лассуэллом: фундаментальная наука ориентирована на «анализ сути политического курса» (analysis of policy), тогда как прикладная предполагает «анализ в рамках (для) политического курса» (analysis in (for) policy) [Lasswell 1970: 3].

В целом можно выделить пять базовых критериев различия фундаментального и прикладного политического знания: функциональное предназначение, роль субъекта аналитической работы, связь теории с практикой, степени познавательной деятельности (абстрактное/конкретное), пространственно-

* В данной связи тут же приходит на ум известное бэконовское деление ученых на «пауков», «муравьев» и «пчел».

временной континуум исследований [Дегтярев 1998: 20-22]. Для большей наглядности представляем эти различия в форме таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2

Разграничение фундаментальных и прикладных исследований в политологии

	Критерии	Фундаментальное исследование	Прикладное исследование
1.	Функция	Познавательная (познание связей, механизмов, закономерностей)	Преобразовательная (использование познанных механизмов)
2.	Роль субъекта анализа	Объективированная (отстраненно нейтральная)	Субъективированная (активно заинтересованная)
3.	Связь теории с практикой	Опосредованная	Непосредственная
4.	Фаза познавательного цикла	От сбора и описания эмпирических данных к абстрактно-теоретическим моделям	От абстрактно-теоретических моделей к конкретному их синтезу в практических технологиях
5.	Пространственно-временной континуум	«Мягкая» пространственная локализация и лимитированность во времени	«Жесткая» локализация в пространстве и строгая лимитированность во времени

Попробуем теперь очертить предметное поле политического анализа как прикладной дисциплины. Приступая к решению этой задачи, прежде всего есть смысл остановиться на уже имеющихся дефинициях ППА. Некоторые из них выглядят довольно курьезно. Например, согласно Д.МакРэю и Д.Уиттингтону из университета Северной Каролины, политический анализ – это «совокупная активность, нацеленная на выбор вариантов публичной политики, рефлексия которых осуществляется на ежегодных собраниях Ассоциации политического анализа и менеджмента (АПАМ), в «Журнале политического анализа и менеджмента», а также в ходе практической деятельности аналитиков и советников» [McRae, Whittington 1997: 391]. Отсюда следует, что статьи, опубликованные в других журналах, к политическому анализу отношения не имеют, а прикладные разработки аналитиков, не входящих в АПАМ, уже должны называться как-то иначе.

Конечно, существуют и более корректные определения. Так, профессор Калифорнийского университета А.Вилдавски относит к сфере прикладного политического анализа деятельность, связанную с формулированием общественных проблем, а также с дальнейшим их разрешением [Wildavsky 1979: 3]. Сходную трактовку дает и канадский политолог Л.Пал, который квалифицирует ППА как «направленное применение интеллекта к решению публичных проблем» [Pal 1992: 16]. В свою очередь профессора Стрэтчклайдского университета Б.Хогвуд и Л.Ганн видят в нем отрасль социальной науки, которая носит прескриптивный характер и сосредоточена на прикладных исследованиях, ориентированных на конкретную проблему клиента и планирование его политической деятельности [Hogwood, Gunn 1984: 29]. В некоторых случаях ППА интерпретируется в качестве практической дисциплины, нацеленной «на глубокое проникновение в социотехнические вопросы и поиск приемлемых для них решений» [Quade 1989: 4]. В Блеквеллской энциклопедии политической науки политический анализ определяется как «искусство социального инжиниринга», затрагивающего содержание, продвижение и результаты проектов действий, которые разрабатываются для преодоления публичных проблем» [Blackwell Encyclopedia 1996: 432].

Очевидно, что ни одна из приведенных дефиниций не охватывает феномена политического анализа во всей его полноте. Гораздо более комплексным выглядит определение, сформулированное профессором Питсбургского университета У.Данном. В интерпретации Данна, политический анализ есть прикладная социальная дисциплина, в которой применяются мультидисциплинарные знания и методы исследования с тем, чтобы производить, критически оценивать и обмениваться релевантной в практически-политическом отношении информацией [Dunn 2004: 1-2]. Иными словами, ППА имеет дескриптивный и нормативный аспекты и включает в себя экспертную и научно-прикладную деятельность по производству конкретных управленческих знаний на основе сбора и соответствующей оценки эмпирической информации. Однако и эта дефиниция не отражает всех аспектов политико-аналитической работы.

На наш взгляд, отсутствие действительно исчерпывающих определений ППА обусловлено необычайной многомерностью и синтетичностью данного направления политических исследований. На это обращали внимание еще основатели современной американской школы политической аналитики А.Вилдавски и Э.Квейд, старавшиеся уйти от законченных формулировок. «Не ставьте вопроса: что есть политический анализ?» – писал, в частности, Вилдавски и добавлял: «Вернее поставить его так: какой анализ следует провести?» [Wildavsky 1979: 398]. Тем самым исследователь, по сути, указывал на то, что предметное поле ППА формируют не только объект и метод исследования, как в других разделах политической науки, но и «проблемный угол зрения» аналитика, обусловленный, в свою очередь, потребностями заказчика.

Еще более четко формулирует эту проблему Квейд, который считает, что очертить предметное поле ППА можно лишь определив, «чем политический анализ не является». Прежде всего, по мнению Квейда, политический анализ не является точной наукой, поскольку вместо поиска научной истины аналитик занимается обеспечением оптимального выбора лица, принимающего решение. Кроме того, аналитические выкладки нередко дают эффективные результаты даже при отсутствии полного научного обоснования рекомендаций. Далее, политический анализ не есть панацея от всех просчетов при принятии решений и проведении государственной политики, сколь бы квалифицированной ни была работа собственно аналитика. И, наконец, политический анализ не может быть средством самоудовлетворения интеллектуальных вкусов аналитика, ибо для того, чтобы беспристрастно оценить все стороны возникшей перед клиентом проблемы, требуются известная непредубежденность [Quade 1989: 27; Мельцнер 2003: 603].

Несмотря на все вышесказанное, мы все-таки рискнем предложить собственное – рабочее – определение ППА, так как без этого нельзя продвинуться в понимании самого феномена. *Прикладной политический анализ есть политико-управленческая наука, предполагающая интегративно-синтетическое использование мультидисциплинарной системы знаний и ориентированная на разработку общих принципов и специальных методов моделирования, диагностики, прогнозирования проблемно-политических ситуаций и формулирование практических рекомендаций при подготовке, принятии и реализации публичных решений.*

Генезис профессиональной области и становление специальной дисциплины

Появление ППА как особой дисциплины принято датировать серединой XX в. Но сама политическая аналитика имеет гораздо более длительную историю. Ее истоки восходят, вероятно, еще к эпохе протогосударственных образований, когда стали складываться особые функции управления и специализированный административный аппарат. Первоначально такого рода «политические навыки»

формировались на базе практического опыта, методом проб и ошибок, и транслировались через обычаи и традиции. Позднее, с усложнением социальной организации и повышением комплексности государственного управления, возникают особые касты жрецов и страты советников – носителей политико-управленческого знания (во многом тогда тайного и эзотерического).

По справедливому замечанию Б.Н.Чичерина, политическое знание долгое время существовало не в форме теоретической науки, а как «практическое искусство». В ранних произведениях политической мысли явно доминируют прикладные вопросы государственного управления. Среди древнейших сводов политических правил и рецептов для правителей следует, в первую очередь, упомянуть «Артхашастру» (Наставление о пользе), написанную советником индийского царя Чандрагутты брахманом Каутильей, и «Шан Цзюнь Шу» (Книга правителя области Шан) древнекитайского мыслителя и государственного деятеля Шан Яна (IV – III в. до н.э.). Немалую лепту в общий багаж прикладных политических идей внесли в это же время мыслители Древней Греции – Платон и Аристотель. Первый из них пытался консультировать (правда, не слишком успешно) правителей Сиракуз, а второй был воспитателем и наставником Александра Македонского.

В средние века в качестве советников при дворах феодальных государей выступали преимущественно духовные лица, но с началом эпохи Возрождения стала возрастать и роль светских «консультантов». Наиболее ярким свидетельством прагматизации политического знания являются работы государственного секретаря Флоренции Н.Макиавелли, отказавшегося от теологически-морализаторской схемы обоснования политических решений и действий в пользу рационально-прагматической*. И все же главный «прорыв» в этой сфере приходится уже на эпоху промышленной революции.

Как считают некоторые специалисты по истории прикладной политической мысли, этот «прорыв» был обусловлен не столько «естественным» прогрессом социальных знаний, сколько усложнением общественной организации и государственного управления [Dunn 2004: 37-39]. Вызовы эпохи, связанные с индустриализацией, урбанизацией, массовыми миграциями населения и т.п., требовали более точных, чем ранее, политико-управленческих решений, основанных на достоверной экономической и социальной информации, что дало мощный толчок развитию эмпирических и статистических методов анализа**. На рубеже XVIII и XIX вв. в ряде стран проводятся первые переписи населения (в США – в 1790 г., в Англии – в 1801 г.). Ученые-статистики начинают привлекаться в качестве советников правительств по вопросам социальной и экономической политики***. К концу XIX столетия представление о том, что традиционная политическая аргументация должна подкрепляться эмпирическими данными, стало доминирующим.

В XX в. развитие прикладного политического анализа вступает в новую фазу. Начинается его постепенная профессионализация (а со второй половины века – и институционализация). В экспертной среде, в основном вокруг университетов,

* В XVII в., в период правления Алексея Михайловича, свой славянский «Макиавелли» появился и в России. Речь идет о Ю.Крижаниче (ок. 1618 – 1683), авторе трактата «Политика». Показательно, что под политикой Крижанич понимал «науку о королевской мудрости», практическое искусство государственного мышления и управления.

** О необходимости аналитического применения в государственном управлении так наз. «политической арифметики» (state arithmetics), которая давала бы надежные статистические и демографические данные о состоянии страны и ее населения, еще в конце XVII в. писал английский экономист В.Петти.

*** Данную функцию выполнял, в частности, для правительств Бельгии и Нидерландов известный математик и статистик А.Кетле (1796 – 1874).

складывается сообщество профессоров, занимающихся прикладными социальными науками, и практикующих политических аналитиков, многие из которых также вышли из университетских кругов. Наиболее наглядно эту смычку политической теории с государственной практикой иллюстрирует, пожалуй, президент США В.Вильсон, начинавший свою карьеру в качестве профессора политической науки и государственного управления Гарвардского университета. Среди других университетских профессоров, принимавших активное участие в государственной деятельности, можно упомянуть Р.Гильфердинга (Германия), Й.Шумпетера и О.Бауэра (Австрия), Б.Чичерина и П.Сорокина (Россия).

На протяжении практически всего XX столетия «законодателями моды» в области ППА выступали Соединенные Штаты, где «спрос» на аналитическую продукцию органично сочетался с «предложением». Еще в годы Нового курса Ф.Рузвельта в стране появилось несколько государственных агентств, призванных обеспечивать интеллектуальное обоснование отдельных направлений государственной политики (Национальный Совет по планированию ресурсов, Федеральная жилищная комиссия, Администрация общественных работ и пр.). С началом второй мировой войны резко возрос интерес к аналитическим разработкам в области военного планирования и управления (так наз. исследования операций и сетевые планы-графики), а также военно-политической пропаганды и манипулирования общественным сознанием*.

Но наиболее бурно политическая аналитика стала развиваться в США в послевоенный период, что в немалой степени было обусловлено ядерным противостоянием с СССР. В стране начинают создаваться негосударственные аналитические центры – «мозговые тресты» (brain trusts) и «фабрики мысли» (think tanks). В 1948 г. была учреждена «РЭНД Корпорэйшн», которая сразу же получила заказ от Министерства военно-воздушных сил на разработку ряда оборонных проектов**. Чуть позднее возникли Институт Брукингса, Фонд наследия, Институт города и др. В итоге к концу 1960-х годов в США сложилась целая индустрия частного ППА, которая внесла весомый вклад в создание политико-аналитического инструментария. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, достаточно упомянуть такие аналитические разработки «РЭНД Корпорэйшн», как методика «программирование – планирование – бюджетирование» (PPBS – “Programming – Planning – Budgeting System”), система групповой и итеративной экспертной оценки Дельфи, а также пакет аналитических методик «издержки-выгоды» (cost-benefit analysis) и «издержки-эффективность» (cost-effectiveness analysis), включающий набор стандартных инструментов оценки эффективности политических программ и решений, акций и их результатов.

Слабой стороной этого «анализцентристского течения» (analycentric movement) был ярко выраженный технократизм [см. Вилдавски 2003; Дроп 2003]. В негосударственные аналитические центры, помимо специалистов по социальным наукам, пришло немало математиков, системщиков, инженеров, которые привнесли в политический анализ не только методы и технику строгого формализованного исследования, но и характерный для этих областей научного знания стиль мышления. Понятие «анализ» трактовалось технократами в буквальном смысле, т.е. как декомпозиция, или разбиение целостного общественного объекта на отдельные компоненты. Это означало практически полный отказ от использования в аналитической работе ценностных и моральных критериев, а также игнорирование социально-политической среды управленческой деятельности. В то же время

* В этой сфере в военное время работали, например, такие ведущие американские политологи, как Г.Лассуэлл и Г.Алмонд.

** Стоит отметить, что именно в «РЭНДе» были подготовлены первые в мире учебные пособия по политическому анализу [см. Квейд 1969; Quade 1989].

определенным противовесом «анализцентрикам-технократам» в профессиональном сообществе служили «гуманитарии-академики», делавшие упор на аксиологические и этические принципы политической диагностики.

Официальный отчет институциональной истории политического анализа в США многие политологи начинают с 1951 г., когда вышла в свет коллективная работа под редакцией Г.Лассуэлла и Д.Лернера, давшая старт так наз. «политико-управленческому движению» (policy movement) [см. Brunner 1992; Parsons 1995]. Во вводной статье к монографии Лассуэлл поставил перед упомянутым движением двуединую задачу: способствовать повышению эффективности публичных решений и одновременно развивать и внедрять в практику демократические принципы и гуманистические ценности [см. Lasswell, Lerner 1951]. Иными словами, речь шла о придании политической науке прагматической и прикладной направленности путем соединения демократической теории с управленческой практикой.

В 1960 – 1970-е годы происходит институционализация политического анализа как университетской дисциплины. С конца 1960-х годов сперва в Калифорнийском (Беркли), а затем в других ведущих американских университетах создаются специализированные курсы и программы по прикладному политическому анализу, начинается подготовка магистров и докторов по данной специальности. Одновременно набирает силу и другой, не менее важный процесс – превращение политического анализа в особую профессиональную сферу. В государственных органах федерального, регионального и муниципального уровней формируются (или расширяются) аналитические подразделения, в их штатных расписаниях появляется стандартная единица «аналитик» (analyst).

Как известно, важнейшей составляющей институционализации научной дисциплины является образование профессионального сообщества, создание специализированных журналов и профессиональных ассоциаций. Этот процесс разворачивается в США в 1970 – 1980-е годы. Появляется ряд журналов, ориентированных на политико-управленческую проблематику вообще и на вопросы прикладного политического анализа, в частности, – «Policy Sciences», «Policy Studies Journal», «Policy Studies Review», «Journal of Policy Analysis and Management» и др.* Формируются профессиональные ассоциации аналитиков – Организация политико-управленческих исследований (Policy Studies Organization), объединившая в основном политологов, и междисциплинарная Ассоциация политического анализа и менеджмента (Association of Public Policy Analysis and Management), в состав которой в настоящее время входят более 2 тыс. практикующих аналитиков и университетских ученых.

В Европе процесс институционализации политического анализа шел менее бурно, чем в США. Неодинаковыми были и темпы его развертывания в отдельных странах. По заключению немецкого политолога Х.Воллманна, они зависели от четырех факторов: (1) уровня «спроса» со стороны правительства на аналитическую продукцию, (2) исторически сложившихся организационных моделей и регламентов в органах государственного управления, (3) взглядов и установок политической элиты и (4) способности и готовности сообщества ученых-обществоведов включиться в аналитическую работу [Wollman 1989: 223]**. Весьма показателен в этом отношении пример Великобритании, где с приходом к власти правительства М.Тэтчер сразу же стали свертываться программы по государственному планированию и экспертизе, а в 1983 г. была ликвидирована Центральная служба политического оценивания (Central Policy Review Staff) [Gray, Jenkins 1983: 429].

* На сегодняшний день в Америке издается свыше 400 журналов данного профиля.

** Примерно в том же ключе рассуждают о национальных особенностях институционального оформления политического анализа английские политологи Хогвуд и Ганн [см. Hogwood, Gunn 1984].

В целом основное становление ППА как академической дисциплины приходится в европейских странах на 1980 годы [см. Wollmann 1989; Smith 1999]. Именно в данный период в той же Великобритании появляются университетские курсы по политическому анализу, в ряде университетов (Бирмингема, Бристоля, Стрэтчклайда, Лондона и др.) создаются специальные программы по государственной политике. Уникальный опыт интеграции академической науки и практической политики и применения политического анализа в муниципальном менеджменте накоплен в Университете Уоррика. Наряду с созданием типовой программы по подготовке магистров государственного управления, там был образован Консорциум местного самоуправления, куда вошли университетский Центр муниципального управления, состоящий из аналитиков и экспертов, и около 40 муниципалитетов, которые финансируют проводимые им экспертно-аналитические работы. Однако отставание от США так до конца и не преодолено.

Что касается России, то здесь ситуация со становлением ППА как особой профессиональной сферы выглядит весьма неоднозначной [см. Амелин, Дегтярев 1998; Лазаревичуте, Верхейен 2001]. С одной стороны, некоторый прогресс в этом отношении налицо: в государственных органах появились аналитические подразделения [см. Кривов 1996; Леонов 1996; Марков 1999], возникло множество независимых аналитических центров [см. Мейер 1994; Struyk 1999; Сунгуров 2002], периодически выходят информационно-аналитические бюллетени, проводятся семинары и «круглые столы» (к примеру, экспертный семинар «Полития») [см. Салмин, Сатаров 2001]. С другой – методологический уровень и качество прикладных разработок часто остаются ниже всякой критики. Как справедливо отмечают сами аналитики, «на деле 'русских РЭНД Корпорейшн' пока не создано» [Федоров и др. 2002: 6].

Особенности методологии и методики прикладного анализа политики

Для того чтобы лучше и глубже понять природу ППА, необходимо остановиться на его *методологических особенностях*. Вначале рассмотрим наиболее общие характеристики данной дисциплины, выделяющие ее среди других социальных наук. К их числу относятся: (1) клиент-проблемная ориентация, (2) гетерогенность концептуально-методологической базы, (3) инструментальный мультиплицизм, (4) соединение эмпирического и нормативного подходов.

Клиент-проблемная ориентация. Несмотря на наличие пограничных областей*, традиционные социальные науки – социология, политология, психология, экономика – обладают четко отграниченными предметными областями, исследовательскими объектами и методами, научными школами и теориями. В политическом анализе подобного рода «мануфактурно-цеховая» специализация просто невозможна – в силу как многомерности изучаемых проблем, так и самой организации прикладного исследования. Скажем, если при решении такой комплексной проблемы, как обоснование жилищно-коммунальной реформы, исходить из традиционного разделения предметов социальных наук, то дело может растянуться если не на десятилетия, то на многие годы. Нужно будет создать исследовательский коллектив из экономистов, инженеров, социологов, урбанистов и политологов, которые поделят проблему ЖКХ на исследовательские сегменты и должны будут при этом согласовать свои концепции, понятия и методы. На все эти довольно длинные и сложные операции обычно нет ни времени, ни ресурсов, особенно если учесть, что заказчику нужен не многотомный монографический труд, а конкретные выводы и практические рекомендации.

* Так, изучением макроэкономической политики занимаются и политологи, и экономисты, а политическое поведение входит в сферу интересов как политологии, так и психологии.

Гетерогенность концептуально-методологической базы. Как и любая другая прикладная дисциплина, политический анализ довольно «космополитичен» в отношении концептуальных подходов и принципов, заимствуя их из самых разных социальных, гуманитарных и даже естественных наук [Дегтярев 2002: 115-116]. Во многом это связано с самим объектом исследования, который необходимо препарировать сразу в нескольких предметных плоскостях [см. McCall 1994]. Например, чтобы проанализировать всю совокупность последствий для российской политики американской военной кампании в Ираке в 2003 г., нужно привлечь концептуальные знания из теории международных отношений, международной экономики, военной науки, социологии, истории, психологии, статистики и т.д.

По справедливому замечанию Дана, методология политического анализа складывается из элементов множества дисциплин: политической науки, социологии, экономики, права, философии и др. [Dunn 2004: 3]. Возьмем, к примеру, теорию функционирования политической системы Д.Истона, которая легла в фундамент моделей политико-управленческого цикла и фаз аналитической работы. Понятийный аппарат современного политического анализа – исследование «входов» (input studies), «выходов» (output studies), «конверсии», содержания политического курса и процесса принятия решений (studies of policy content and process), «обратной связи» (evaluation studies) и т.д. – сформировался на основе системной теории [Hogwood, Gunn 1984: 26]. Философии политический анализ обязан эпистемологической концепцией «решения проблем» (Дж.Дьюи), а также принципами этики, вошедшими во многие учебные пособия и кодексы практикующих аналитиков [см. Дегтярев 2002].

Инструментальный мультиплицизм. Определяя методологию современного политического анализа как критический мультиплицизм, Данн отмечает, что основной методологической установкой для последнего выступает принцип триангуляции, согласно которому аналитики, стремящиеся приобрести политически релевантное знание, должны использовать множество измерений, методов, инструментов, источников информации и средств коммуникации [Dunn 2004: 17-19]. По мнению Данна, потребность в многомерных принципах, подходах и инструментарии обусловлена все большей комплексностью общественно-политических проблем, а также усложнением процесса принятия решений, в котором сегодня участвуют (по крайней мере в демократических странах) не только государственные акторы, но и группы давления, общественные объединения и местные сообщества, и т.д. С точки зрения исследовательского инструментария ППА предстает практически «всеядным», готовым использовать любые методы, пригодные для работы. Частично такая «всеядность» обусловлена тем, что в первые десятилетия становления дисциплины она, как уже упоминалось, интегрировала в себя представителей самых разных областей знания: математиков и психологов, политологов и экономистов, управленцев и инженеров. Например, анализ «издержки-выгоды» и «издержки-эффективность» заимствован из экономической науки, такие экспертные методы, как синектика, Дельфи, Метаплан, разработаны психологами, «ивент-анализ» привнесли политологи, из социологии был взят практически весь арсенал количественных и качественных методов (интервью, контент-анализ, анкетный опрос и т.д.), а из военной науки – методы исследования операций и сетевого планирования. Поэтому политический аналитик-прикладник абсолютно свободен в выборе методов и комбинировании их при построении своей методологии и методики.

Соединение эмпирического и нормативного подходов. Чтобы сформулировать рекомендации заинтересованному заказчику, аналитик должен не только описать, объяснить и предсказать развитие политических событий, но и дать им оценку, опираясь на определенные ценностные критерии [см. Хрусталева 2003]. Поэтому, в отличие от фундаментальных наук, где эти подходы часто разводятся, в

ППА эмпирический подход (отвечающий на вопросы: что происходит и будет происходить?) неизбежно сочетается с нормативным (в рамках которого ищутся ответы на вопросы: станет ли от этого хуже или лучше и что нужно дальше делать?) [Dunn 2004: 14].

Теперь пришло время определиться со значениями понятий «методология», «метод» и «методика» применительно к прикладным исследованиям политики*. Категория «*методология политического анализа*» указывает на метатеоретический уровень прикладного исследования, который в широком смысле включает в себя, с одной стороны, совокупность подходов и моделей, принципов и методов, а с другой – пути и способы их применения. Иными словами, она охватывает собой стандарты и процедуры отбора общих принципов и подходов для рационального исследования типовых проблем и эффективного решения практических задач [Dunn 2004: 2, 7-8]. Например, при разработке методологии организационной диагностики часто используют неоинституционализм, открывающий широкие возможности для оценки «внутренней среды» той или иной государственной структуры, сочетая его с так наз. экологической моделью, помогающей в изучении ее «внешней среды» и основанной на системном подходе. Затем подбираются адекватные указанным подходам методы – анализ нормативных документов (неоинституционализм) и экспертный метод SWOT-анализа (системный подход). Методология аналитической работы, таким образом, ответственна за общие принципы построения алгоритмов прикладного исследования политического процесса.

Под *методом ППА*, в свою очередь, понимается типовой инструмент или прием аналитической работы, позволяющий приобретать, обрабатывать и оценивать релевантную в практически-политическом отношении информацию. При исследовании политико-управленческого процесса применяются самые разнообразные методы, нередко перекрывающие и взаимодополняющие друг друга. Так, при прогнозировании развития предвыборной ситуации могут использоваться трендовый метод, экспертная оценка Дельфи или сценарное конструирование. В отличие от «теоретиков» и «инструментальщиков», при отборе методов исследования аналитик исходит из их адекватности не только поставленным задачам и методологическому подходу, но и имеющимся ресурсам (время, финансы, информация и др.), причем последнее соображение нередко оказывается решающим.

Наконец, *методический уровень* аналитической работы нацелен на конструирование комбинации методов и процедур для решения конкретной задачи, а также на определение последовательности и сопряженности их применения, т.е. системы исследовательских этапов и операций. По сути дела, речь идет о «материализации» общей методологической канвы (принципов, подходов, критериев, полученных на методологическом уровне, под которые отобраны соответствующие методы и инструменты) в конкретную схему прикладного исследования, где на разных этапах и при различных комбинациях методов проводятся операции по сбору, переработке и производству политически релевантной информации.

Помимо трех указанных понятий в ППА нередко употребляются термины «программа» и «техника». В первом случае, как правило, имеется в виду отдельный (а порой – уникальный) случай исследования аналитиком некоего политического объекта. Конечно, программы конкретных прикладных исследований зачастую полностью (или почти полностью) воспроизводят типовые для данного вида объектов методологию и методику анализа. Но в их основе может лежать также

* О трактовках данных категорий в политической науке в целом см. Боришполец 1998; Дегтярев 1998.

оригинальная методология или комбинация различных методик. Как бы то ни было, программа прикладного политического исследования всегда связана со спецификой стоящей перед исследователем задачи, которая неизбежно обладает неповторимыми чертами, обусловленными местом и временем, субъектом и объектом анализа.

Что же касается техники ППА, то под ней обычно понимают детальные и специализированные процедуры и операции, которые раскрывают способы применения тех или иных методов анализа, т.е. своего рода «методы применения методов». Например, при использовании метода анализа временных рядов (time-series analysis) не обойтись без корреляционных и регрессионных приемов, а для раскрытия потенциала аналитического метода «издержки-выгоды» нужны такие специфические процедуры, как перерасчет издержек и выгод по отношению к их текущей стоимости и калькуляция ставок внутренней отдачи от реализации конкретных государственных программ. Иными словами, образуется своего рода «матрешка»: методологические подходы обеспечиваются совокупностью типовых методов, для обеспечения которых, в свою очередь, требуется множество чисто технических инструментов.

Завершая рассмотрение дисциплинарных особенностей ППА, необходимо сказать несколько слов о современных методологических дискуссиях в кругах специалистов по политическому анализу. Содержание этих дискуссий во многом определяется противостоянием между адептами так наз. R-методологии (от Rebuttal - опровержение), т.е. традиционного для нынешней аналитической практики позитивистского подхода, опирающегося на принципы строгой и объективной верификации положений, с использованием главным образом количественных методов, с одной стороны, и приверженцами постпозитивистской Q-методологии (от Qualifier - определение), которая строится на принципах ценностного критицизма и ситуативной обусловленности предположений, на учете субъективных факторов и активном использовании, наряду с математическими, качественных методов – с другой. В настоящий момент позитивистская R-методология все еще является доминирующей. Как отмечает американский политолог Д.Дернинг, «образовался реальный разрыв между теоретиками постпозитивизма и учеными, которые проводят политико-аналитические исследования на основе методов социального позитивизма. Именно последние пишут учебники... создают фильтры при подготовке публикаций и конференций, определяющие, кто получит официальное разрешение на озвучивание своих взглядов внутри дисциплины, читают курсы студентам, собирающимся стать политическими аналитиками, а также устанавливают стандартные нормы для практики аналитической работы» [Durning 1999: 390].

Направления и типы прикладного политического анализа

Последний (по счету, но не по значению) вопрос, на котором мы хотели остановиться в настоящей статье, касается внутренней структуры ППА. Если соотнести понятия «тип» и «направление» ППА, то первое выражает специфическую разновидность аналитической работы, содержащую учет практических задач и особенностей объекта, методологии и инструментария прикладного исследования, тогда как у последнего внимание акцентируется на дифференциации и специализации внутри всей аналитической отрасли в целом, постепенной трансформации тех или иных ее отдельных течений в относительно самостоятельные разделы или автономные субдисциплины. Известно несколько подходов к определению направлений и типов ППА, однако, суммируя, их можно свести к трем важнейшим. В первом случае структурирование предметного поля дисциплины осуществляется на основании такого критерия, как функциональные задачи и фазы политико-аналитической деятельности; во втором – в соответствии

со сферами и объектами политического анализа; в третьем – исходя из методологии эксперта и используемого им инструментария.

Сторонники *первого подхода* обычно выделяют следующие направления политического анализа: моделирование и структурирование проблемной ситуации, сбор данных и их дескриптивный анализ, ситуационная диагностика, прогнозирование тенденций политического развития, разработка управленческих рекомендаций и, наконец, оценка результатов политической деятельности [см. Дегтярев 2000; 2002; Bardach 2001]. Вместе с тем здесь возможны различные варианты классификации. Так, например, Данн пишет о пяти функционально-процедурных типах ППА (структурирование проблемы, прогнозирование ситуации, разработка рекомендаций, мониторинг акций и оценка их результатов) [Dunn 2004: 55-58], а Хогвуд и Ганн – о трех (исследование «входов», «содержания» и «выходов» политического процесса) [Hogwood, Gunn 1984: 26]. При подобном подходе можно говорить о складывании внутри ППА таких относительно самостоятельных областей, как «определение проблем» (problem definition) [см. Dery 1984], «политическое прогнозирование» (policy forecasting) [см. Хогвуд, Ганн 1994; Dunn 2004], анализ «решений» (decision analysis) [см. Golub 1997] и «результатов политики» (impact analysis) [см. Pal 1992], а также «политическое планирование» (policy planning) [см. Бенвенисте 1990; Макарычев 1994; Patton, Sawicki 2002].

Примером *второго подхода* к определению внутренней структуры ППА может служить «Энциклопедия политико-управленческих исследований», где различные сферы государственного управления – политико-институциональная (внешняя, оборонная, электоральная и др. политика), экономическая (налоги, аграрная и бюджетная политика и т.д.), социальная (бедность, преступность, образование и пр.) и научно-техническая (технологии, энергетика и т.п.) – выделены в особые разделы [см. Nagel 1994]. Еще более дробное членение предметного поля дисциплины предлагают американские политологи Мангейм и Рич, которые относят к самостоятельным типам ППА анализ взаимосвязей, поведения, институтов, процессов и др. [см. Мангейм, Рич 1991]. В современном анализе публичной политики особенно широко развернулась работа по таким направлениям, как «оценка программ» (program evaluation) и «организационно-институциональная диагностика» (SWOT-analysis). Показательно, что в настоящее время от политического анализа постепенно начинают «отпочковываться» различные отраслевые субдисциплины – внешнеполитический анализ [см. Тюлин 1991; Gerner 1991; Neak et al. 1995; Косолапов 1999], анализ бюджетной [см. Сунгуров 2001], экономической [Bickers, Williams 2001; Weimer, Vining 2002], образовательной [см. Dunn et al. 1988; Фруммин 2002], электоральной [см. Бунин 1998; Федоров и др. 2002] и военно-оборонной [см. Квейд 1969; Кокошин 2003] политики.

В рамках *третьего подхода* прикладные исследования, как правило, классифицируются в соответствии с методологическими школами, доминирующими в социальной и политической науке (системные, рационального выбора, неоинституциональные, бихевиоралистские) [см. Тюлин 1992; Цукерман 1995; Bickers, Williams 2001], либо с исследовательскими методами - «ивент-анализа» (event analysis), «риск-анализа» (risk analysis), «политического маркетинга» (political marketing), «оценочных исследований» (evaluation studies) и т.д. [см. Султанов 1992; Rossi, Freeman 1993; Коноплин, Лобанов 1995; Литвак 1996; Миллер 1997; Сидельников 1997; Боришполец 1998]. Вместе с тем в последнее время в основу такой классификации все чаще кладется отмеченное выше деление на R- и Q-методологию, тем более что оно непосредственно влияет на соотношение в исследовании количественных [см. Gupta 2001] и качественных методов [см. Guess, Farnham 1989].

Разумеется, описанные варианты не исчерпывают всей палитры типологий ППА. Так, в частности, весьма интересным представляется предложение Данна подразделять аналитические разработки на «перспективные» (*analysis ex ante*), которые предшествуют политическим действиям, «ретроспективные» (*analysis ex post facto*), где дается оценка уже состоявшимся акциям, а также «интегрированные» (включающие в себя анализ прошлого, настоящего и будущего состояний политического процесса). Последнюю «форму анализа» ученый считает наиболее плодотворной, ибо в ней, по его мнению, соединены все сильные стороны перспективного и ретроспективного анализа [Dunn 2004: 10-16].

* * *

В заключение мы хотели бы еще раз вернуться к вопросу о нынешнем состоянии политического анализа в России. Как уже говорилось, с точки зрения развития и институционализации данной отрасли знания наша страна серьезно отстала от Европы и США. Чтобы приблизиться к их уровню, российским политическим аналитикам необходимо решить триединую задачу: избавиться от дисциплинарного синкретизма, преодолеть сохраняющийся разрыв между академической наукой и практической политикой и создать профессиональное сообщество со своими правилами и стандартами.

После принятия в нового Госстандарта по политической науке политический анализ, казалось бы, приобрел статус самостоятельной университетской дисциплины*. Но и сегодня в состав этой дисциплины, помимо собственно «прикладного политического анализа», входит и такая самостоятельная по отношению к ней область, как «методы сбора и анализа данных». Еще хуже обстоит дело с внутриотраслевой специализацией, хотя во многих университетах мира уже давно читаются курсы по отдельным направлениям ППА (анализ экономической, военно-оборонной, социальной, культурной, образовательной и экологической политики, внешнеполитический и организационно-институциональный анализ и т.п.) [см. Страуссман 2003].

Важнейшим условием ускоренного развития ППА является установление тесных связей между университетскими преподавателями и практикующими аналитиками из государственных учреждений и независимых экспертно-аналитических центров. Практикующие аналитики должны активнее использовать модели и методы, разработанные в академических учреждениях, а университетские преподаватели – участвовать в прикладных исследованиях по заказам различных политических организаций.

Но наиболее остро стоит проблема *формирования профессионального сообщества* политических аналитиков. Без такого сообщества невозможно ни полноценное развитие дисциплины, ни эффективное влияние специалистов на реальные политические процессы. Лишь оно в состоянии выработать свой корпоративный кодекс и четкие критерии качества исследований и аргументации, без которых трудно отличить профессиональный политический анализ от мистификаций, направленных на манипулирование общественным мнением.

Чтобы добиться реального прогресса на этом пути, требуется объединение усилий всех отечественных специалистов по прикладному политическому анализу. Необходимо осуществлять публикацию аналитических статей и докладов, регулярно проводить семинары и конференции, но самое главное – создать отраслевое объединение политических аналитиков и наладить выпуск специализированного

* В Госстандарте 1994 г. он был объединен с теорией принятия решений, политическим менеджментом и консалтингом в рамках некоей общей метанауки «Прикладная политология», по сути дела охватившей весь комплекс политико-управленческих дисциплин (policy sciences) [см. Шутов 1994; Дегтярев 1997].

журнала. Кое-что в этом отношении уже сделано – на III Всероссийском конгрессе политологов (март 2003 г.) образован отраслевой комитет РАПН по политическому анализу, начал работу Московский городской семинар по политической аналитике, на факультете государственного управления МГУ создана кафедра политического анализа, в ВШЭ, МГИМО, РАГС и ряде других университетов открыта или открывается специализация «Политический анализ и прогнозирование» и т.д. Но все же основная работа у цеха российских политических аналитиков еще впереди.

Амелин В.Н., Дегтярев А.А. 1998. Опыт развития прикладной политологии в России. – *Полис*, № 3.

Балуев Д.Г. 2000. *Введение в политический анализ*. Нижний Новгород.

Бенвенисте Г. 1990. *Овладение политикой планирования: Создание реально выполнимых планов и политики, которая ведёт к переменам*. М.

Боришполец К.П. 1998. Методы, методики и процедуры прикладного анализа международных отношений. – Цыганков П.А. (ред.) *Международные отношения: социологические подходы*. М.

Бунин И.М. (ред.) 1998. Политическое развитие Российской Федерации в 1999 году (Центр политических технологий). – *Полития*. № 2.

Вилдавски А. 2003. Спасая политический анализ от системы «планирование – программирование – бюджетирование». – Шафритц Дж., Хайд А. (ред.). *Классики теории государственного управления: Американская школа*. М.

Дегтярев А.А. 1997. Прикладная политология (Программа курса). – *Полис*, №3.

Дегтярев А.А. 1998. *Основы политической теории*. М.

Дегтярев А.А. 2000. Прикладной политический анализ. – *Справочник слушателя МВШСЭН. Факультет политической науки*. М.

Дегтярев А.А. 2002. Теория принятия политических решений в структуре социальных и управленческих дисциплин. – *Полис*, № 2.

Дрор Й. 2003. Политический аналитик: Новая профессия на службе у государства. – Шафритц Дж., Хайд А. (ред.). *Классики теории государственного управления: Американская школа*. М.

Жуков Б.И., Краснов Б.И. (ред.) 1997. *Общая и прикладная политология*. М.

Квейд Э. 1969. *Анализ сложных систем (Методология анализа при подготовке военных решений)*. М.

Кокошин А.А. 2003. Стратегическое управление. М.

Коноплин Ю.С., Лобанов В.В. 1995. *Маркетинговый анализ политического рынка и формирование имиджа политического товара*. М.

Косолапов Н.А. 1999. Анализ внешней политики: Основные направления исследований. – *МЭиМО*, № 2.

Кривов В. 1996. Информационно-аналитическое обеспечение органов государственной власти: Некоторые вопросы совершенствования. – *Власть*, № 1.

Лазаревичуте Е., Верхейен Т. 2001. Организация поступления политической экспертизы. – Верхейен Т. (ред.) *Политико-административные отношения: Кто стоит у власти?* М.

Леонов Н.С. 1996. *Информационно-аналитическая работа в загранучреждениях*. М.

Литвак Б.Г. 1996. *Экспертные оценки и принятие решений*. М.

Лобанов В.В. 2001. *Анализ государственной политики*. М.

Макарычев А.С. 1994. *Наука и власть: Система внешнеполитического планирования и анализа в США и странах Западной Европы*. Нижний Новгород.

- Мангейм Дж., Рич Р. 1991. Анализ общественной политики и оценка программ. – *Полис*, № 3.
- Марков С.А. 1999. Политические профессии. – *Полития*, № 2.
- Матвеев Р.Ф. 1997. *Политологический анализ*. М.
- Матвеев Ю.И., Мизулин М.Ю. (ред.) 2002. *Технологии политической деятельности (Прикладная политология)*. М.
- Мейер М. 1994. Аналитические центры в системе российской демократии. – *Пределы власти*, № 1.
- Мельцнер А. 2003. Семь смертных грехов политических аналитиков. – Шафритц Дж., Хайд А. (ред.). *Классики теории государственного управления: Американская школа*. М.
- Миллер Д. 1998. Анализ по критерию «затраты-выгоды». – Батчиков С.А., Глазьев С.Ю. (ред.) *Эффективность государственного управления*. М.
- Салмин А.М., Сатаров Г.А. (ред.) 2001. Общество и его власть: дефекты взаимодействия. – *Труды семинара «Полития» - 2001 (Фонд «Российский общественно-политический центр» / Фонд ИНДЕМ)*. М.
- Сидельников Э. 1997. Экспертиза: Состояние и тенденции развития. – *МЭиМО*, № 2.
- Симонов К.В. 2002. *Политический анализ*. М.
- Страуссман Дж. 2003. Политический анализ и менеджмент как сфера профессионального образования. – Семенникова Л.И. (ред.) *Государственное управление в XX1 веке: Концепции, методы и технологии*. М.
- Султанов Ш.З. (ред.) 1992. *Политический риск: Анализ, оценка, прогнозирование, управление*. М.
- Сунгуров А.Ю. (ред.) 2001. *Прикладной бюджетный анализ*. СПб.
- Сунгуров А.Ю. (ред.) 2002 *«Фабрики мысли» и центры публичной политики: Международный и первый российский опыт*. СПб.
- Тихомиров В.Б. 1993. Профессионализм политолога: Анализ, принятие решений, управление событиями. – *Социально-политический журнал*, № 3.
- Турунок С.Г. 2003. *Политический анализ (курс лекций)*. М.
- Тюлин И.Г. (ред.) 1991. *Системный подход: Анализ и прогнозирование международных отношений (Опыт прикладных исследований)*. М.
- Федоров В., Симонов К., Цуладзе А. 2002. Российская политическая аналитика: первые десять лет. – *Механизмы власти: 10 лет политической аналитики (Центр политической конъюнктуры России)*. М.
- Фрумин И.Д. 2002. *Образовательная политика: Практика анализа*. М.
- Хогвуд Б., Ганн Л. 1994. Политическое прогнозирование. – *Вестник Московского университета. Сер.12. Социально-политические исследования*, № 6.
- Хрусталев М.А. 1992. *Теория политики и политический анализ*. М.
- Хрусталев М.А. 2003. Нормативный политический анализ. – Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. М.
- Цукерман А. 1995. *Введение в политический анализ*. М.
- Шутов А.Ю. 1994. Прикладная политология: попытка систематизации. – *Вестник Московского университета. Сер.12. Социально-политические исследования*, №3.
- Яковлев И.Г. 1998. *Проблемы политического анализа на основе компьютерных технологий*. М.
- Bardach E. 2001. *A Practical Guide for Policy Analysis: The Eighthfold Path to More Effective Problem Solving*. N. Y.
- Bickers K., Williams J. 2001. *Public Policy Analysis: A Political Economy Approach*. Boston.

- Blackwell Encyclopedia of Political Science*. 1996. L. Brunner R. 1992. The Policy Movement as a Policy Problem. - Dunn W., Kelly R. (eds.) *Advances in Policy Studies since 1950*. New Brunswick.
- Dahl R. 2003. *Modern Political Analysis*. Englewood Cliffs.
- Dery D. 1984. *Problem Definition in Policy Analysis*. Lawrence.
- Dunn W. 2004. *Public Policy Analysis: An Introduction*. Upper Saddle River.
- Dunn W., Basom R., Frantz C. 1988. *Educational Policy Analysis: A Guide to Applications*. Andover.
- Dunn W., Kelly R. (eds.) 1992. *Advances in Policy Studies since 1950*. New Brunswick.
- Durning D. 1999. The Transition from Traditional to Postpositivist Policy Analysis: A Role for Q- Methodology. – *Journal of Policy Analysis and Management*, vol. 18, № 3.
- Easton D. 1990. *The Analysis of Political Structure*. Chicago.
- Gerner D. 1991. Foreign Policy Analysis: Renaissance, Routine or Rubbish? – Crotty W. (ed.) *Political Science: Looking to the Future, vol. 2. Comparative Politics, Policy and International Relations*. Evanston.
- Golub A. 1997. *Decision Analysis: An Integrated Approach*. N.Y.
- Gray A., Genkins W. 1983. Policy Analysis in British Central Government: The Experience of PAR. – *Public Administration*, vol. 61.
- Guess G., Farnham P. 1989. *Cases in Public Policy Analysis*. N.Y.
- Gupta D. 2001. *Analysing Public Policy: Concepts, Tools and Techniques*. N.Y.
- Hogwood B., Gunn L. 1984. *Policy Analysis for the Real World*. Oxford.
- Lasswell H. 1970. The Emerging Conception of the Policy Sciences. – *Policy Sciences*, № 1.
- Lasswell H., Lerner D. (eds.) 1951. *The Policy Sciences: Recent Developments in Scope and Method*. Stanford.
- Manheim G., Rich R. 1995. *Empirical Political Analysis: Research Methods in Political Science*. N.Y.
- McCall G. 1994. Policy Analysis across Academic Disciplines. – Nagel S. (ed.) *Encyclopedia of Policy Studies*. N.Y.
- McRae D., Whittington D. 1997. *Expert Advice for Policy Choice: Analysis and Discourse*. Washington.
- Nagel S. (ed.). 1994. *Encyclopedia of Policy Studies*. N.Y.
- Neak L., Hey J., Haney P. (eds.) 1995. *Foreign Policy Analysis: Continuity and Change in Its Second Generation*. Englewood Cliffs.
- Pal L. 1992. *Public Policy Analysis: An Introduction*. Scarborough.
- Parsons W. 1995. *Public Policy: An Introduction to the Theory and Practice of Policy Analysis*. Cambridge.
- Patton C., Sawicki D. 2002. *Basic Methods of Policy Analysis and Planning*. Englewood Cliffs.
- Quade E. 1989. *Analysis for Public Decisions*. Englewood Cliffs.
- Rossi P., Freeman H. 1993. *Evaluation: A Systematic Approach*. Newbury Park.
- Shepsle K., Bonchek K. 1997. *Analyzing Politics: Rationality, Behavior and Institutions*. N.Y.
- Smith A. 1999. Public Policy Analysis in Contemporary France: Academic Approaches, Questions and Debates. – *Public Administration*, vol. 77, № 1.
- Struyk R. 1999. *Reconstructing Critics: Think Thanks in Post-Soviet Democracies*. Washington.
- Weimer D., Vining A. 2002. *Policy Analysis: Concepts and Practice*. Englewood Cliffs.
- White L. 1990. *Political Analysis: Technique and Practice*. Pacific Grove.

Wildavsky A. 1979. *Speaking Truth to Power: The Art and Craft of Policy Analysis*. Boston.

Wollman H. 1989. Policy Analysis in West Germany's Federal Government: A Case of Unfinished Governmental and Administrative Modernization? – *Governance: An International Journal of Policy and Administration*, vol 2, № 3.